

УДК 82

**СТИХОТВОРЕНИЕ В.А. СОСНОРЫ
«ТАК ХОРОШО: БЫЛ СТОЛ КАК СТОЛ...»:
ВАРИАНТЫ, ЧЕРНОВИКИ, АНАЛИЗ**

Болнова Екатерина Владимировна (2023), SPIN-код: 7779-0276, ORCID: 0000-0003-4956-642X, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

В статье главное внимание уделяется сопоставительному анализу черновых вариантов стихотворения В.А. Сосноры «Так хорошо: был стол как стол...» с окончательным опубликованным вариантом. В процессе работы использованы структурно-описательный, описательно-функциональный, сравнительно-сопоставительный, формальный методы, позволяющие максимально полно и точно решить поставленные задачи. В качестве материала привлекаются неизвестные ранее исследователям архивные материалы, хранящиеся в Российской национальной библиотеке. Отдельно прослеживается эволюция заглавий стихотворного произведения от предположительно первого «Белый голубь» к последнему заглавию по первой строке. Выдвигается гипотеза, что это связано со стремлением автора к инвариантности прочтения. Работа с архивными материалами позволяет проследить творческую эволюцию стихотворения, изменение авторского замысла. В каждом конкретном случае анализируются основные изменения, вносимые В.А. Соснорой на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, а также трансформация мотивно-образной системы. Находит подтверждение выдвинутой в начале статьи гипотеза о хронологической последовательности создания черновых вариантов, хранящихся в РНБ. Так, хронологически первым должен быть признан лист 2, следующим за ним – лист 1. В последней части статьи представлен сопоставительный анализ стихотворения В.А. Сосноры «Так хорошо: был стол как стол...» с «Вороном» Э. По и «Пророком» А.С. Пушкина. Делается вывод о равновеликой значимости данных произведений для глубокого понимания текста В.А. Сосноры. Таким образом, находит подтверждение и выдвинутая в статье гипотеза о смысле отказа автора от заглавия, отсылающего лишь к стихотворению американского поэта.

Ключевые слова: В.А. Соснора, архивные материалы, черновые материалы, стихотворение «Так хорошо: был стол как стол...», стиховедческий, тексто-логический анализ.

В сборник стихотворений В.А. Сосноры «Знаки» 1972 г. входит произведение, озаглавленное по первой строке «Так хорошо: был стол как стол...» [Соснора 2018, 538–540]. В архиве Российской национальной библиотеки хранятся два черновых варианта данного текста, в которых отразился процесс авторской работы над произведением. Сопоставительный анализ черновых вариантов с конечным результатом позволит глубже проникнуть в творческую лабораторию В.А. Сосноры, понять принципы работы поэта с текстом.¹

В финальном варианте стихотворение состоит из десяти шестистиший. В архиве РНБ хранится два листа, на каждом из которых отпечатанные на машинке первые пять шестистиший. Если опираться на количество исправлений и на близость к финальному варианту, логичным выглядит предположение, что лист 1, хранящийся в архивном фонде, является более поздним, чем лист 2, так как содержит значительно меньше отличий от опубликованного В.А. Соснорой произведения. Они касаются знаков препинания и графических знаков выделения. Кроме того, на этом листе нашли отражение размышления автора о заглавии, от которого он в конечном итоге отказался.

Обратимся к подробному анализу всех расхождений между листом 1, хранящимся в архиве РНБ, и опубликованным вариантом стихотворения. Так, четвертая строка первого шестистишия в финальном виде выглядит таким образом:

Я думал; я и не молюсь [Соснора 2018, 538].

В черновике на месте точки с запятой стоит двоеточие:

Я думал: я и не молюсь [Соснора РНБ, 1].

¹ В «соснороведении» первостепенное внимание уделяется изучению поэтического языка В.А. Сосноры [Зубова 2004; Зубова 2010], анализу семантики и структуры конкретных стихотворных текстов [Лощилов 2021; Лощилов 2022а; Лощилов 2022б], описанию художественного мира поэта в целом [Новиков 1979; Арьев 2001; Арьев 2011]. Исследование творческой истории стихотворений В.А. Сосноры еще только начинается.

Замена в данном случае выглядит абсолютно объяснимой. Двоеточие в бессоюзном сложном предложении ставится в четырех случаях: если вторая часть содержит причину, если она имеет значение дополнения или поясняет то, что говорится в первой части, если пропущен глагол восприятия. В принципе в приведенной строке возможны первые три варианта, в зависимости от того, какие смысловые отношения между частями сложного предложения предполагал автор. Точка с запятой ставится также в трех случаях, один из которых может быть сразу отброшен (обе части сильно распространены), так как данная строка представляет собой законченное предложение. Два оставшихся случая постановки точки с запятой предполагают отношения перечисления либо абсолютную смысловую независимость простых предложений в составе сложного. То есть очевидно, что пунктуационная правка В.А. Сосноры уточняет смысловые отношения между частями предложения. Каждая грамматическая основа содержит указание на состояние, в котором пребывает герой во время, предшествующее появлению Белого Голубя. Они равнозначны для автора и воспринимаются им самим как равноправные, не связанные причинно-следственными связями.

Еще две незначительных правки коснулись пятой строфы. В окончательном варианте в ней встречаются две строки:

Ну, Бо-жа-я коровка!

Не запрокинуть – «Боже мой!» [Соснора 2018, 539]

В черновом варианте данные строки выглядели несколько иначе:

Ну, Бо-жая коровка!

Не запрокинуть – «боже мой!» [Соснора, РНБ, 1]

В первом случае В.А. Соснора доводит разбивку по слогам слова «Божая» до конца, тем самым усиливая протяженность звучания всей строки. Еще одно изменение коснулось написания слова «Боже»: в окончательном варианте автор оставляет написание с заглавной буквы, что видится логичным продолжением написания слова «Божая» в предыдущей строке, где оно также оформлено с заглавной буквы. Данная лексема привлекает к себе повышенное внимание и за счет графического разделения на слоги, и за счет использования необщепотребительной грамматической формы слова, и за счет написания с прописной буквы, что нарушает нормы русского языка. Слово «Боже» с следующей строке актуализирует внутреннюю форму названия насекомого и позволяет автору выстроить ряд слов одной семантической группы: связанных с христианским, божественным началом.

На листе 1 сохранились варианты заглавия данного стихотворения. Как уже было сказано, опубликованный текст озаглавлен по первой строке. Анализ вариантов, отброшенных В.А. Соснорой, позволит проникнуть в творческую лабораторию поэта. На черновике перечеркнуты два заглавия: «Белый голубь» и «Сон Эдгара По». Забегая вперед, отметим, что на листе 2, который мы склонны считать более ранним вариантом, сдержится заглавие «Белый голубь». Кроме того, в сборнике «Кристалл» 1977 года данное стихотворение опубликовано с заглавием «Читая Эдгара По» и подзаголовком «Ироническое» (отметим сразу, что строфическое деление в сборнике «Кристалл» отличается от того, которое представлено в черновых вариантах и всех прочих. Так, первая строка пятой строфы оказалась последней – седьмой – строкой предыдущей, четвертой строфы. Поскольку данное членение не только нарушает строфику стихотворения, но и не встречается во всех прочих вариантах, в том числе в сборнике стихотворений 2018 года, вышедшем под редакцией самого В.А. Сосноры, можно сделать вывод, что перед нами ошибка редакторов и корректоров сборника [Соснора 1977, 64–66]. Таким образом, можно проследить предполагаемую эволюцию заглавий: «Белый голубь» – «Сон Эдгара По» – «Эдгар По» – «Читая Эдгара По» («Ироническое») – заглавие по первой строке «Так хорошо: был стол как стол...». Можно предположить, что первый заголовок был отвергнут автором как слишком прямолинейный, он ничего не добавляет с точки зрения понимания текста. Очевидно, что заголовок «Белый голубь» контекстуально и культурологически антонимичен заглавию стихотворения Э. По «Ворон». Второй вариант – «Сон Эдгара По» – дает читателю единственный ключ к прочтению стихотворения: через призму художественного сознания американского поэта. Вероятно, такое сужение контекста не устроило В.А. Соснору, который стремился к максимально вариативному прочтению собственных произведений. В сравнении с предыдущим заглавием «Эдгар По» видится более общим, снимающим оппозицию сон – явь. Финальный отказ от заглавия представляется обоснованным желанием В.А. Сосноры дистанцировать собственный текст от стихотворения Э. По «Ворон». Снимая одну из наиболее явных аллюзий, автор предполагает, что читатель самостоятельно распознает отсылку к творчеству знаменитого американского поэта после вдумчивого прочтения. Таким образом, В.А. Соснора ожидает от читателя творчества и готовности к диалогу с текстом.

На листе 2, хранящемся в архиве РНБ, значительно больше правок. Первоначальный вариант представляет собой машинописный лист с многочисленными исправлениями, сделанными как на печатной машинке, так и рукой В.А. Сосноры. Для удобства приведем машинописный текст, отметив в нем и первый слой правок, сделанных сразу на печатной машинке, а затем укажем рукописные исправления, пометы на полях, рисунки, сделанные шариковой ручкой. Также поместим рядом окончательный вариант первых пяти строф стихотворения.

Черновой вариант. Лист 2	Окончательный вариант
<p>Так хорошо: был белый его. стол как стол Я не писал. Никто не шел. Все лучше было, – горе! Я думал; я и не молось. И тут-то в комнату мою ворвался Белый Голубь. Во мраке – муха не взревет, Звезда саму себя взорвет, и светлячок кружится лишь светлячок электро- сверчок! Скорее замечай: окно открыто, – залетай!.. А залетел – вот Этот. Не с Арарата, не олив питомец, не того, орлы которого – у Зевса, не ангел-оборотень, не который письма... Не в вине на златоблюдце – в зелень. Я знал его. Я Мне красный глаз в кошмарах виделся не раз, в раскрыльях – не мигая волчий палец. Он клюв в чернильницу макал, не не вет ывая гримасничая, мне мигал Я знал его, – Посланец. Я знал Его. Валяй, ловец! В конце концов, вот и конец, как говорят, котенку. Я не Не опрокинусь «боже мой!» лове хирург души моей живой, на темени – коронка [Соснора, РНБ, 2].</p>	<p>Так хорошо: был стол как стол. Я не писал. Никто не шел. Все лучше было, – горе! Я думал; я и не молось. И тут-то в комнату мою ворвался Белый Голубь. Во мраке муха не взревет. Звезда саму себя взорвет. Лишь светлячок-электро- сверчок! Скорее замечай: окно открыто – залетай!.. А залетел – вот Этот. Не с Арарата, не олив питомец, не того, орлы которого – у Зевса, не ангел-оборотень, не который письма... Не в вине на златоблюдце – в зелень. Я знал Его. Мне красный глаз в кошмарах грезился не раз, в раскрыльях – волчий палец. Он клюв в чернильницу макал, гримасничая, мне мигал.. Я знал Его, – Посланец. Я знал Его. Валяй, ловец! В конце концов, вот и конец. Ну, Бо-жа-я коровка! Не запрокинусь – «Боже мой!» – хирург души моей живой, на темени – коронка [Соснора 2018, 538–539].</p>

Прежде всего необходимо проанализировать первый слой правок. Так, в начальной строке фраза «белый стол» заменяется на «стол как стол». Во втором случае снимаются, во-первых, все воз-

возможности символического прочтения и интерпретации данного словосочетания, ведь семантическая нагруженность слова «белый» крайне велика. В окончательном варианте акцентируется обыденность изначальной ситуации, которая тем резче контрастирует с последующими событиями. Во-вторых, напомним, что лист 2 содержит заглавие «Белый Голубь», следовательно, можно предположить, что автор стремится снять возможные выстраивающиеся параллели между цветом оперения птицы (которое действительно крайне важно в произведении) и бытовой деталью (которая, очевидно, особым символическим значением не наделялась).

Во второй строфе можно также отметить ряд значимых изменений, вносимых автором по мере работы с текстом. В.А. Соснора трансформирует синтаксическую организацию первых строк. В черновом варианте они представляют собой бессоюзное сложное предложение с тремя грамматическими основами. На листе 1, хранящемся в архиве РНБ, как и в окончательном варианте стихотворения, каждая грамматическая основа становится самостоятельным предложением. Помимо этого, автор вносит правки в третье простое предложение: «и светлячок кружится» заменяет на «Лишь светлячок электро сверчок!». Отказываясь от глагола-сказуемого, В.А. Соснора убирает из предложения указание на активное действие. Можно предположить, что это связано с семантикой предыдущих простых предложений. Так, первый глагол «не взревет» несет в себе значение отрицания действия, а семантика глагола «взорвет» деструктивна. Кроме того, автор изменяет образную систему: в первоначальном варианте В.А. Соснора обращается к образу светлячка, внося изменения, он заметно усложняет его за счет контаминации образов светлячка и сверчка, создавая собирательный образ небольших насекомых, которых человек наблюдает летом в домах за городом.

Правки четвертой строфы демонстрируют изменение творческой мысли автора. Так, деепричастие «не мигая» в третьей строфе семантически было связано с образом «красного глаза» в первой строке. Видимо, возвращение к данному образу показалось поэту немотивированным, поэтому он зачеркивает деепричастие и вводит вместо него новую художественную деталь: «волчий палец», добавляющую дополнительные смысловые оттенки к образу Белого Голубя. В этой же строфе В.А. Соснора заменяет деепричастие «посвистывая» на «гримасничая». Очевидно, второй вариант значительно экспрессивнее, он способствует нагнетанию мистического через ука-

зание на неприродное, неестественное поведение птицы. В предпоследней строке пятой строфы, видимо, первоначально автор предполагал использовать слово «ловец», которое почти полностью было напечатано на машинке (кроме последней буквы). Однако сразу заменяет его на «хирург». Данная замена, во-первых, может быть связана с тем, что слово «ловец» уже использовано автором в первой строке пятой строфы, то есть его простое повторение не сообщало бы ничего нового о необыкновенном госте. Во-вторых, семантика лексемы «хирург» связана с разъединением единой прежде плоти, с насильственным вторжением в чужое тело. «Хирургические» манипуляции совершает шестикрылый серафим с героем стихотворения А.С. Пушкина «Пророк». О значении данных переключек будет сказано далее.

Замены личных местоимений «я» в четвертой и пятой строфах с трудом поддаются интерпретации, поскольку практически ничего не говорят о первоначальном творческом замысле.

Теперь отметим рукописные исправления, внесенные В.А. Соснорой. Так, во второй строке четвертой строфы автор заменяет глагол «виделся» на «грезился». Именно эта лексема сохраняется в окончательном варианте. Очевидно, что замена связана со стремлением к семантической точности, ведь глагол «грезиться», как правило, несет в себе указание на нереальность действия. Употребление данной лексемы создает дополнительный контраст с утверждением в первой строке данной строфы: «Я знал Его».

Следующая рукописная правка связана с третьей строкой пятой строфы. Полностью перечеркнув фразу «как говорят, котенку», В.А. Соснора сверху надписал вариант строки, в котором впервые и появляется образ божьей коровки. Как уже отмечалось, к работе над данной фразой В.А. Соснора возвращается еще раз. Однако первоначальный вариант отличается и от того, который был напечатан на листе 1: «Ну, божья ко-оровка». Очевидно, что образ божьей коровки показался автору более удачным, чем образ котенка, поскольку он встраивается в семантическую парадигму слов, связанных с мотивом божественного присутствия. О значении лексем с данной семантикой скажем далее, а на данном этапе важным видится отметить, что В.А. Соснора, внося правки в текст, стремится в том числе к созданию более продуманной системы образов. Дальнейшая трансформация приведенной строки в черновиках связана с метром стихотворения. Текст написан четырехстопным ямбом, в каждой

50

строке 8 слогов, среди которых 3 или 4 ударных. Первоначальный вариант, состоящий из 7 слогов, выбивался из общего ряда, хотя метрический рисунок и сохранялся. В измененном варианте («Ну, божья ко-оровка») В.А. Сосноре пришлось добавить отсутствующий дополнительный слог в слове «коровка», чтобы не нарушить выбранный метр. Вероятно, подобный прием показался поэту слишком искусственным и заметным. К тому же смысловой акцент при таком написании попадает на слово «коровка», что не соответствует предполагаемой авторской задумке. Перенос графическую разбивку на первое слово и изменяя грамматическую форму, В.А. Соснора решает сразу две задачи: добавляет недостающий слог и смещает читательскую интенцию в нужном направлении.

На листе 2 правее, рядом со строкой: «Ну, божья ко-оровка» написаны рукой В.А. Сосноры слова «ком робко». Возможно, автор рассматривал их как потенциальную рифму, но отказался от нее в ходе дальнейшей работы с текстом.

Также на листе 2 справа от машинописного текста автор записывает шариковой ручкой следующие строфы. Они еще до конца не оформлены в данном черновике, но распознаются при сопоставлении с окончательным вариантом. Внизу листа мы можем разобрать черновой вариант восьмого шестистишия. Приведем аналогичную использованной ранее таблицу данных строф:

Черновой вариант. Лист 2	Окончательный вариант
<p>осанна, осанка Он душу (в лапах, говоря) унедрожащую мою еще унес, а я остался [Соснора, РНБ, 2].</p>	<p>Душа? да что там, забирай. Отбегала моя заря по листикам от сада...» И... душу в лапах (Гамаюн!), еще дрожащую мою, унес. А я остался [Соснора 2018, 540].</p>

Первые три строки окончательного варианта еще полностью отсутствуют в черновике. Они представляют собой финальные строки реплики лирического героя, являющейся ответом Белому Голубю, который забирает его душу. Очевидно, что на момент создания листа 2 в сознании автора еще не до конца выкристаллизовалась сюжетная ситуация стихотворения, описанная в строфах 6 и 7 оконча-

тельного варианта. Следовательно, и ответ лирического героя отсутствует в черновом варианте. Что же касается последних трех строк восьмой строфы, которые мы видим на листе 2, необходимо отметить значимость появления в окончательном варианте образа птицы Гамаюн, которой не было в черновике. Данный мифический персонаж наделяется противоречивыми характеристиками. С одной стороны, птица Гамаюн часто выступает как посланница рая, однако чаще в культуре она упоминается как птица, предвещающая беду. Именно такими свойствами она наделяется в стихотворении А. Блока «Гамаюн, птица вещая», которое и могло послужить одним из источников данного образа в стихотворении В.А. Сосноры.²

На листе 2 над проанализированным черновым наброском восьмой строфы есть и строки, относящиеся к девятой строфе. Приведем снова соответствующую таблицу:

Черновой вариант. Лист 2	Окончательный вариант
(на блюде злато) в <i>неразб.</i> Жуиоиих мигающих сов ходящих ветоду В эпоху этих, или тех, В толпе живородящих тел Я тоже – только тело [Соснора, РНБ, 2].	Так ежедневный день настал. Никто страницы не листал мои. Я делал дело: ушел ко всем и в тесноте в толпе живородящих тел я тоже – только тело [Соснора 2018, 540].

Приведенный черновой вариант написан синими шариковыми ручками двух цветов. Первая, четвертая строки, а также слово «живородящих» написаны более светлой пастой. Ей же написан проанализированный ранее черновик восьмой строфы. Более темной пастой, соответственно, написаны вторая, третья, пятая (кроме слова «живородящих») и шестая строки. Этой же пастой сделаны и рукописные правки в напечатанном тексте. То есть можно с большой долей вероятности предположить, что В.А. Соснора, как минимум, четыре раза возвращался к работе над данным текстом, внося правки: первый раз отпечатав текст на машинке (пока не найден более ранний рукописный вариант, невозможно утверждать точно, но

² Птица Гамаюн фигурирует также в стихотворении В.А. Сосноры «Последний лес».

можно предположить, что набирал стихотворение автор, используя определенный черновой материал), два раза внося правки синей шариковой ручкой разных цветов, четвертый раз перепечатывая на лист 1. При такой хронологической реконструкции работы В.А. Сосноры с текстом видится обоснованное предположение, что лист 1 сохранил лишь половину написанного к тому моменту стихотворения. Вероятно, вторая часть на отдельном листе либо не попала в архив РНБ, либо случайно попала в другую единицу хранения. Работа по поиску второго листа чернового варианта данного стихотворения продолжается.

В заключительной части статьи приведем краткий анализ окончательного варианта текста В.А. Сосноры. В качестве гипотезы выдвинем предположение, что данное произведение должно быть рассмотрено в диалоге с двумя стихотворениями: «Ворон» Эдгара По и «Пророк» А.С. Пушкина. Если удастся доказать равновеликую значимость обоих произведений для адекватного прочтения стихотворения В.А. Сосноры «Так хорошо: был стол как стол...», то это послужит подтверждением еще одной гипотезы, связанной с отказом от заглавия, напрямую отсылающего к тексту Э. По. Ведь такое заглавие предлагает читателю единственную призму восприятия, при которой в фокусе остается лишь творчество американского поэта, в то время как произведение А.С. Пушкина может не попасть в сферу читательского внимания.

Сначала обратимся к тем элементам текста В.А. Сосноры, которые так или иначе отсылают к «Ворону» Э. По [Рое 1845]. В первых, образ птицы: ворон в стихотворении американского поэта антонимичен Белому Голубю в произведении В.А. Сосноры. Поэт противопоставляет и окрас оперения птиц, и культурный бэкграунд образов. Если герой стихотворения Э. По сомневается в потустороннем происхождении ворона, то герой В.А. Сосноры утверждает это сразу со всей определенностью. Ироничным указанием на соответствие Белого Голубя ворону является строка: «Он каркал, я – не крикнул». Как известно, важную роль в стихотворении Э. По играет повторяющаяся реплика птицы «Nevermore», произносимая почеловечьи. Белый Голубь В.А. Сосноры тоже издаст нехарактерные звуки, однако совсем иного плана. Разнится поведение птиц в жилище человека. Если ворон занимает место на бюсте Паллады и оттуда произносит свои пророчества, то Белый Голубь садится на стол с чернильницей (очевидный анахронизм для 1970-х годов), а потом

совершает определенные манипуляции с телом и душой героя стихотворения. Кроме того, обращают на себя внимание явные текстовые переключки в первых строфах. В.А. Соснора иронически переосмысляет ту же исходную ситуацию, которая присутствует в произведении Э. По. Если герой стихотворения «Ворон» занят работой с древними рукописями, пытаясь отвлечься от грустных мыслей об умершей возлюбленной, то герой В.А. Сосноры пребывает в более органичном и умиротворенном состоянии, он застигнут непрошеным гостем не в момент вдохновенного творчества, а в момент задумчивого отдыха.

Подводя некоторый итог разговора о значимости творческого наследия Э. По (и прежде всего стихотворения «Ворон») для поэтического мира В.А. Сосноры, необходимо упомянуть еще два текста: в сборник 1976–78 гг. «Хутор потерянный» входит стихотворение «Ворон» [Соснора 2018, 622], в сборник «Верховный час» 1979 г. – «Баллада Эдгара По» [Соснора 2018, 698–701]. Оба эти текста являются вольными переводами «Ворона» Э. По. Кроме того, сама форма стихотворения В.А. Сосноры близка к произведению американского автора, которое также написано шестистишиями.

Если переключки с текстом Э. По достаточно очевидны, то параллели со стихотворениями А.С. Пушкина требуют дополнительного комментария. Так, происходящая с лирическим героем текста В.А. Сосноры трансформация внутренне антонимична изменениям, происходящим с лирическим героем стихотворения «Пророк» [Пушкин 1959, 149–150]. Прежде чем обратиться к доказательству данного тезиса, отметим еще одну важную особенность: если лирический герой А.С. Пушкина пребывает в начале стихотворения в состоянии духовной неудовлетворенности, то, как уже отмечалось выше, лирический герой В.А. Сосноры скорее может быть соотнесен с героем другого текста А.С. Пушкина – «Поэт» – до тех пор, пока тот не чувствует и не ощущает вдохновенной потребности творить.

Трансформация лирического героя стихотворения «Пророк» коснулась глаз, ушей, языка и сердца. При этом замена сердца на «угли» является кульминационным моментом стихотворения. Белый Голубь проводит манипуляции с грудью лирического героя, аналогичные по смыслу рассечению мечом, произведенному серафимом. При этом клюв птицы становится также острым орудием: «клювом-клином». Само сердце остается у лирического героя В.А. Сосноры на месте, однако оно «развязывается» Белым Голубем и из него из-

влекается душа. Если прямым результатом трансформации лирического героя стихотворения «Пророк» стало обретение им поэтического, пророческого дара, то герой В.А. Сосноры, напротив, таланта и тяги к творчеству, которыми он был наделен изначально, лишается с потерей души.

Антонимичны в стихотворениях «Пророк» А.С. Пушкина и «Так хорошо: был стол как стол...» В.А. Сосноры и изменения в жизни героев, которые происходят после трансформации. Так, пророк наделяется исключительным правом обращаться к людям от имени бога, отныне он не равен другим людям, и его судьба должна быть подчинена той роли, которая ему уготована провидением. Герой стихотворения В.А. Сосноры, напротив, лишившись души, не только теряет способность к творчеству, но и становится обывателем, таким же, как и все остальные люди, то есть он утрачивает собственную исключительность.

Сопоставляя образы Белого Голубя и серафима, можно также найти ряд интересных переключек. Описывая ангела, А.С. Пушкин скуп на детали. Единственными признаками, которые можно вычитать в тексте, являются наличие крыльев, описание «перстов», которыми он касается глаз героя, «десницы», и указание на использование меча. В.А. Соснора, прежде всего, описывает Белого Голубя через отрицание его мифологического происхождения, его ангелической, а также естественной природы. Немногочисленные детали внешности посланника в стихотворении В.А. Сосноры близки к тем деталям, акцент на которые делает А.С. Пушкин. Так, дважды упоминается клюв, одно из упоминаний прямо соотносит клюв с клином, который в контексте стихотворения синонимичен по выполняемым функциям мечу серафима. Крылья, перст и десница трансформируются в тексте В.А. Сосноры в «волчий палец» в «раскрыльях». Кроме того, В.А. Соснора пишет о красном глазе птицы, который ранее он видел в кошмарах. Можно предположить, что появление данной детали связано с изменением внутренней концепции стихотворения В.А. Сосноры по сравнению с произведением А.С. Пушкина. Так, в тексте «Так хорошо: был стол как стол...» значимым становится соотнесение образа героя с образом Иисуса Христа, во-первых, через употребление характерного наименования «Сын Человека», легко соотносимого с автохарактеристикой Иисуса Христа как Сына Человеческого. Во-вторых, через сюжетные параллели: лирический герой стихотворения В.А. Сосноры мог бы сопровитив-

ляться Белому Голубю, но, как и Христос, подчиняется высшей воле. Таким образом, можно говорить о трансформации мотива жертвы. Пророк А.С. Пушкина, как и герой В.А. Сосноры, как и Иисус Христос, жертвуют собой, подчиняясь высшей божественной воле, которая бывает безжалостна к самому человеку. Правда, жертва, которой требует бог, может быть разной: безоговорочное приятие его воли и превращение в глашатая («Пророк» А.С. Пушкина), отказ от собственной души – от поэтического дара и смирение, приятие себя как части стада блеющих овец и стаи клацающих зубами волков («Так хорошо: был стол как стол...» В.А. Сосноры) [Соснора 2018, 540], предание себя на поругание и смерть во искупление человеческих грехов (Иисус Христос).

Отмеченные смысловые, образные и сюжетные переключки с «Пророком» А.С. Пушкина позволяют сделать вывод о значимости данного стихотворения для глубокого понимания текста В.А. Сосноры. При подобном прочтении мотивированным выглядит отказ от заглавия, которое сузило бы контекст восприятия. Приведенный анализ черновых вариантов позволяет лучше понять эволюцию творческого замысла и принципы работы В.А. Сосноры с поэтическим текстом.

Источники

- Пушкин 1959** – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 2. М., 1959.
Соснора 1977 – Соснора В.А. *Кристалл*. Л., 1977.
Соснора 2018 – Соснора В.А. *Стихотворения*. СПб., М., 2018.
Соснора РНБ – Соснора В.А. «Белый голубь. (Эдгар По)». *Стихотворение* // РНБ. Ф. 1346. Ед. хр. № 57.
Пое 1845 – Пое Е.А. *The Raven and Other Poems*. New York, 1845.

Литература

- Арьев 2001** – Арьев А.Ю. *Ничей современник: (Виктор Соснора: случай самовоскрешения)* // Вопросы литературы. М. 2001. Вып. 3. С. 14–30.
Арьев 2011 – Арьев А.Ю. *Дон Соснора де Сааведра (Поэтический мир Виктора Сосноры)* // Петербургская поэзия в лицах: очерки. М., 2011. С. 96–113.
Зубова 2004 – Зубова Л.В. *Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора* // Теоретические проблемы языкознания. СПб., 2004. С. 596–606.
Зубова 2010 – Зубова Л.В. *Языки современной поэзии*. М., 2010.
Лощилов 2021 – Лощилов И.Е. *О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: Замечания к разбору* // Во власти культуры и текста. Барнаул, 2021. С. 378–388.

Лоцилов 2022a – Лоцилов И.Е. *Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине»* // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 101–112.

Лоцилов 2022b – Лоцилов И.Е. *К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного дая со страхом совиным...» (1966)* // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 366–379.

Новиков 1979 – Новиков В.И. *Против течения* // Литературное обозрение. М., 1979. № 1. С. 41–44.

**V.A. SOSNORA'S POEM "SO GOOD:
THERE WAS A TABLE LIKE A TABLE...":
VARIANTS, DRAFTS, ANALYSIS**

Bolnova Ekaterina Vladimirovna (2023), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-code: 7779-0276, PhD in Philology, Lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 ProspektGagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), eka332@yandex.ru

The article focuses on the comparative analysis of draft versions of V.A. Sosnora's poem "So good: there was a table like a table ..." with the final published version. In the course of the work, structural-descriptive, descriptive-functional, comparative-comparative, formal methods were used to solve the tasks as fully and accurately as possible. Archival materials previously unknown to researchers stored in the Russian National Library are used as material. Separately, the evolution of the titles of the poetic work is traced from the presumably first "White Dove" to the last title on the first line. The hypothesis is put forward that this is due to the author's desire for invariance of reading. Working with archival materials allows you to trace the creative evolution of the poem, the change in the author's idea. In each case, the main changes made by V.A. Sosnora at the phonetic, lexical, morphological, syntactic levels, as well as the transformation of the motif-figurative system are analyzed. The hypothesis put forward at the beginning of the article about the chronological sequence of the creation of draft versions stored in the RNB is confirmed. So, chronologically, sheet 2 should be recognized first, followed by sheet 1. The last part of the article presents a comparative analysis of V.A. Sosnora's poem "So good: there was a table like a table..." with E. Poe's "Raven" and A.S. Pushkin's "Prophet". The conclusion is made about the equal importance of these works for a deep understanding of the text of V.A. Sosnora. Thus, the hypothesis put forward

in the article about the meaning of the author's rejection of the title, referring only to the poem of the English poet, is also confirmed.

Keywords: V.A. Sosnora, archival materials, draft materials, poem "So good: there was a table like a table...", poetic, textual analysis.

References

(Articles from Scientific Journals)

Арьев 2001 – Ar'ev A.Yu. *Nichey sovremennik: (Viktor Sosnora: sluchay samovoskresheniya)* [Nobody's Contemporary: (Victor Sosnora: a case of self-resurrection)]. *Voprosy literatury*, 2001, no. 3, pp. 14–30. (In Russian).

Лоцилов 2022a – Loshchilov I.E. *Poeziya i didaktika: o stikhotvorenii Viktora Sosnory «Toska po rodine»* [Poetry and didactics: about Victor Sosnora's poem "Homesickness"]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2022, no. 1, pp. 101–112. (In Russian).

Лоцилов 2022b – Loshchilov I.E. *K razboru stikhotvoreniya Viktora Sosnory «Razluka zverinogo laya so strakhom sovinyim...» (1966)* [To the analysis of Victor Sosnora's poem "The separation of animal barking with the fear of an owl ..." (1966)]. *Kritika i semiotika*, 2022, no. 1, pp. 366–379. (In Russian).

Новиков 1979 – Novikov V.I. *Protiv techeniya* [Against the current]. *Literaturnoye obozreniye*, 1979, no. 1, pp. 41–44. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Арьев 2011 – Ar'ev A.Yu. *Don Sosnora de Saavedra (Poeticheskiy mir Viktora Sosnory)* [Don Sosnora de Saavedra (The Poetic World of Victor Sosnora)]. *Peterburgskaya poeziya v litsakh: ocherki* [Petersburg poetry in faces: essays]. Moscow, 2011, pp. 96–113. (In Russian).

Зубова 2004 – Zubova L.V. *Drevnerusskiy yazyk v poeticheskom otrazhenii: Viktor Sosnora* [The Old Russian language in poetic reflection: Victor Sosnora]. *Teoreticheskiye problemy yazykoznaniya* [Theoretical problems of linguistics]. Saint-Petersburg, 2004, pp. 596–606. (In Russian).

Лоцилов 2021 – Loshchilov I.E. *O stikhotvorenii Viktora Sosnory «Troye»: Zamechaniya k razboru* [About Victor Sosnora's poem "Three": Notes for analysis]. *Vo vlasti kul'tury i teksta* [At the mercy of culture and text]. Barnaul, 2021, pp. 378–388. (In Russian).

(Monographs)

Зубова 2010 – Zubova L.V. *Yazyki sovremennoy poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow, 2010. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.04.2023